

От какой солидарности мы не отказываемся?

Б.В. Межуев,
кандидат философских наук

Доклад А.Н. Окары, безусловно, заслуживает признания, в частности, как попытка постановки новой идеологической задачи. Мне кажется, что нужно подходить системно к любому идеологическому комплексу: у каждой идеологии существуют, как минимум, две стороны. С одной стороны, всякая идеология имеет определенные ценностные основания, и каждая из них должна иметь свою конкретную проектную задачу.

Понятно, что коммунизм и фашизм отличаются не только рецептами политического строительства, но и ценностями, с которыми эти рецепты соотносятся. Говоря о солидаризме, следует выделить одно и другое: и проектную задачу, которая служит для решения тех или иных проблем современного общества, и те ценности, к которым эта идеология апеллирует. И с тем, и с другим, мне кажется, есть какие-то проблемы в данном докладе и в том комплексе идей, который презентовал докладчик.

Начнем с проектной задачи. Постоянно при разговоре о солидаризме возникает ассоциация с солидаризмом 1930-х гг., либо с итальянским фашизмом. У тех идеологий была вполне очевидная проектная задача — спасти целостность общества при переходе от аграрной к индустриальной фазе, а для этого преодолеть или хотя бы в значительной степени снизить классовый, т. е. имущественный конфликт. Спасти — хотя бы физически — старые классы, но одновременно предоставить какой-то социальный люфт для новых классов. Стремлением решить эту задачу и объясняется возникновение концепции корпоративного государства, сто-

ронники которой, кстати, довольно успешно решили данную задачу в Италии, которая в ином случае, видимо, перестала бы существовать как целостное государство. Что-то похожее было и в Китае; несомненно, что-то похожее представлял собой новый курс Рузвельта.

Смысл этого солидаризма понятен: добиться того, чтобы общество все-таки представляло собой некое целостное единство, а люди смотрели друг на друга не как на врагов, а как на сограждан. Для этого требовался набор рецептов и идеологий — в том числе, не самых, честно говоря, симпатичных для нас сегодня. Какие-то из них оправдали себя, какие-то — нет. Здесь возникает вопрос: можно ли этот набор идей к чему-то сегодняшнему применить? Мне кажется, что сделать это непросто, хотя бы потому, что сегодня для России нет проблемы классового конфликта. Даже экономический кризис, который должен был как-то возбудить в России хоть какой-то элемент социального напряжения, ничего подобного не вызвал. У нас нет старых классов, которые нужно было бы спасать; нет и новых, которые стоило бы сдерживать. Совершенно непонятно, к чему тогда солидаризм применить. Как раз наоборот, нам, по идее, нужны были бы идеологии, которые позволили бы как-то оживить нашу несколько застывшую общественную жизнь.

Между тем, с левой идеологией что-то странное случилось во всем — она вообще не отреагировала на экономический кризис. Отреагировали другие — правый популизм возродился как серьезная политическая сила в США. В этом смысле солидаризм выглядит странно, потому что его проектная задача относится к другому времени и к другой ситуации.

Но в докладе Андрея Окары речь явно идет о чем-то другом. И у меня все время возникает какое-то чувство, что идеологические бренды 1920–30-х гг. используются докладчиком для продвижения либеральной повестки дня начала 2000-х гг., причем либеральной в предельно постмодернист-

ском смысле этого слова. Ему необходимо зафиксировать наличие креативного класса, который должен осознать свои классовые интересы. Затем этому классу, оказывается, необходимо навязать свою повестку дня государству, продавить общественный договор с властью таким образом, чтобы власть, условно говоря, приняла этот креативный класс в качестве контрагента и либо экономически, либо политически поделилась с ним ресурсами.

У меня возникает вопрос даже не к самой этой идее, а к инструментарию, который использует докладчик для ее продвижения. Если стоит именно эта задача, а такая задача высказывается массой народа — от Ходорковского до присутствующих здесь некоторых уважаемых коллег, — то она уже имеет какую-то определенную выраженность, в том числе, на языке политической теории и языке социальной теории. Иногда она вызывает прямой протест, потому что под этой теорией порой понимается что-то крайне элитаристское: условно говоря, государство мол должно жить для креативной элиты, все остальное — это навоз истории, который необходимо освободить от государственной опеки, а креативный класс сделать приоритетным центром внимания государства. Существуют известные социально-лоббистские группы в России, которые фактически проводят именно эту точку зрения. Но зачем нужно выражать ту же мысль на каком-то ином языке, альтернативном по отношению к общепринятому? И зачем нужно называть этот проектный комплекс «солидаризмом»?

И последнее, о чем следует сказать, это о важности одной из тем, поднимаемой докладчиком, — новом общественном договоре. Здесь есть проблемы. Конечно, общественный договор требуется. Я не знаю, как он будет сформулирован, но ясно, что существует усталость от моноцентризма российской политической системы и от ситуации, когда государство является основным, а, зачастую, и единственным источником распределения ресурсов. Столь же ясно, что государству

самому нужен кто-то, с кем оно могло бы вступать в контрагентные отношения. Возникает только один вопрос: как в этом предполагаемом договоре представлено большинство российского населения? Есть ли в России такая сила, которая это большинство представляет? Вообще, есть ли это большинство? Субъектно ли оно? Это важный вопрос. Может ли это большинство само быть не просто опорой власти, а еще и ее критиком, т. е. диктовать власти какие-то свои требования, свои пожелания?

Вопрос заключается в том, как с этим большинством должен взаимодействовать креативный класс? Должен ли он просто узурпировать интересы большинства или он должен включать в свою политическую программу его приоритеты, интересы, ценности? Если переключить несколько мифологизированную тему солидаризма на этот конкретный сюжет, который, на мой взгляд, является центральным сюжетом современной политической дискуссии, то все сказанное может обрести вес и глубину. Однако термин «солидаризм», который прямо ассоциируется с евразийским компонентом российской общественной мысли, не думаю, что он способствует осмыслению и адекватному решению тех практических задач, которые сейчас стоят перед российским обществом.